



ГЛАВА 1

Новенькая инкассаторская «Нива» стремительно шла по шоссе. Приятная для глаз окраска — песочный цвет с зелеными полосами вдоль борта. Казалось, под капотом этой машины спрятан форсированный движок, а тяжелый бронированный кузов держит мощная подвеска. Но водитель ехавшего вслед за ним старенького джипа знал о недостатках преследуемого им автомобиля. Мотор неважный, особенно уязвим на старте — часто глохнет в момент начала движения. И подвеска усилена недостаточно — на крутых поворотах броневик сильно кренится. Именно на этом и намеревались сыграть преследователи.

— Приготовиться! — грубым и с хрипотцой голосом скомандовал крепкий, крупного сложения мужчина, сидевший рядом с водителем.

Он был пристегнут к своему креслу, но этого ему казалось мало — левой рукой он вцепился в потолочный поручень, правой — в ручку дверцы, ноги с силой вдавил в пол. И другие находившиеся в салоне люди также постарались закрепить себя — во избежание травм в надвигающемся столкновении.

«Нива» на скорости вошла в правый вираж, и тут же дорога направила ее в левый — корпус опасно накренился вправо, в этот момент с ней и столкнулся джип. Инкассаторский броневик не смог удержаться на дороге, вылетел на обочину, а оттуда, перевернувшись, в кювет. Джип немедленно остановился, сдал задом, порав-

нялся с «Нивой», из машины выскочили три человека в камуфляже и масках — у одного автомат, у двоих пистолеты. Никто из них не пострадал при столкновении, но, если бы кто-то и получил травму, вряд ли бы почувствовал боль — столько в их крови было сейчас адреналина.

Перевернувшаяся через крышу «Нива» лежала на боку. Грабители успели как раз к тому моменту, когда один из инкассаторов сумел открыть дверцы, чтобы выбраться из машины. Лучше бы он этого не делал. Сокрушительный удар прикладом по голове сначала вбил его обратно в салон, а затем сильные руки вытащили его наружу.

И в это время прозвучал выстрел. Это дал о себе знать второй инкассатор. Но поскольку он не мог вылезти из машины, стрелял он в белый свет как в копеечку. Скорее это была акция устрашения с его стороны. Зато грабители ничуть не сомневались в себе — стреляли на поражение. Главарь нашел цель в глубине искореженного салона и выстрелил из пистолета. Послышался предсмертный вскрик, и все стихло.

Налетчики обследовали труп инкассатора, изъяли у него ключ от специального отсека. Перекосившаяся от удара дверь долго не открывалась, но в конце концов сдалась...

Помимо денег преступники забрали с собой избитого ими инкассатора, затолкали его в свой джип и увезли. Убивать его не стали. Едва он пришел в чувство, вышвырнули его из машины, а сами отправились дальше, к условленному месту, где их ждал автомобиль с подлинными госномерами. Там они сожгли угнанный прежде джип с фальшивыми регистрационными знаками и с деньгами отправились в родные края...

Расстояние от Москвы до Рубежа не самое большое, восемьдесят километров, но первая треть этого пути — сплошная нервотрепка: заторы, пробки. Вторая

треть — полегче: машин уже не очень, а полотно двухполосное, есть пространство для маневра. Дальше когда как: шоссе узкое, по одной полосе в каждую сторону, и если тихоходных большегрузов много, то сильно не разгонишься. На первой стадии пути Андрею повезло: пробок почти не было, зато последняя треть изобиловала тяжелогруженными, а оттого медлительными фурами. Но ничего, к концу рабочего дня он все же доехал на своей «девятке» до развилки на Рубеж. Отсюда до города всего ничего — каких-то два-три километра по свободной шоссеиной дороге.

— Как насчет пивка заехать попить? — спросил начальник.

Они оба возвращались из областного управления исполнения наказаний. У майора Каракулева совещание, у Андрея инструктаж, согласования и прочая казуистика...

— А надо?

— Да жарковато что-то. Осень, а жарко...

— Бабье лето.

— Бабье, бабье... — скороговоркой подтвердил Георгий Савельевич и кивком головы показал на кафе у самой развилки. — Давай, сворачивай...

Андрей послушно остановил машину напротив парадного входа с мраморным крыльцом и стальными поручнями. Неоновая вывеска над козырьком — «кафе-бар-пиццерия» «Беллиссимо», чуть ниже — «Итальянская кухня». Понятно, что в заведении с таким названием не может быть что-то иное. И еще одна вывеска, с другой стороны двери — «Мотель» с одноименным названием.

Но к придорожному кафе прилагалась не только гостиница. К двухэтажному зданию из добротного оранжевого кирпича примыкала каркасно-пластиковая галерея из боксов автосервиса. Ремонт, шиномонтаж, мойка. Целый сервис-центр. Строгий дизайн, облагороженная территория, порядок и чистота.

Андрей уже собрался было вытащить ключ из замка зажигания, когда в радиоэфире пронеслось сообщение об ограблении инкассаторов. И все же он обесточил машину.

— Погоди-ка! — заинтригованно махнул рукой Каракулев, призывая Андрея включить радио. — Интересно же...

«...В пригороде Екатеринбурга в доме пострадавшего инкассатора обнаружен тайник, в котором находилось семьдесят восемь тысяч рублей из общей похищенной суммы. По мнению следствия, факт обнаружения денег дает основания предполагать, что именно этот инкассатор был причастен к преступлению, совершенному месяц назад, когда, напомним, грабители застрелили одного инкассатора и похитили два миллиона девятьсот сорок тысяч рублей, принадлежавших «Транснационалбанку». Георгий Савельевич снова махнул рукой, на этот раз призывая Андрея выключить радиоприемник.

— Грабители похитили, тоже скажут, — усмехнулся он. — Похищают воры, а грабители грабят...

— Как ни скажи, а почти три миллиона — тютю, — заметил Андрей.

— М-да, три миллиона... И что дальше? Инкассатора прищучили, теперь и остальных возьмут... А я знал, что инкассатор причастен, — сказал Каракулев. — Так чаще всего бывает...

— Нам-то что? Где мы, а где Екатеринбург. Нам этими ребятами не заниматься.

— Да нам и своих грабителей хватает.

— Какие у нас грабители? — хмыкнул Андрей. — Мелюзга. Кто-то кое-где у нас порой...

Грабителей в тюрьме хватало, но все какие-то несерьезные — наркоманы, обирающие по ночам случайных прохожих; шпана, под угрозой ножа завладевшая выручкой ларечника; барсеточники, на ходу срезавшие

подметки с водителей легковых автомобилей, а если точнее, то избавлявшие их от сумок и прочих ценных вещей, находившихся в машине. Но все это мелочь, не заслуживавшая внимания прессы. Разве что в прошлом году маньяк был, который проституток убивал. Но этот осужден на пожизненное и отбывает наказание на острове Огненный. О нем уже забывать стали.

Другое дело — громкие ограбления инкассаторов и даже целых банков. Занятие, за последнее время прочно вошедшее в моду. Но в Рубеже и окрестностях с этим пока все спокойно.

— Ну почему же, у нас тоже весело. Захаркин у нас за что сидит? Обменный пункт пытался ограбить...

— Пытался, но не смог.

— Потому и не попал в выпуск новостей.

— Зато вообще попал. К нам.

— И еще один фрукт к нам едет. Жену свою застрелил, на мост привез, чтобы в реку сбросить. Случайно взяли, с поличным.

— Кто такой?

— Ты его не знаешь. А я о нем только наслышан. Теперь вот придется познакомиться. На днях у нас будет... Тьфу ты, нашли о чем говорить.

Разговор этот начался в машине, а закончился в прохладном вестибюле кафе-мотеля. Немолодая, но симпатичная женщина за стойкой-ресепшен без слов показала на широкую арку, занавешенную бамбуковой шторой. Андрей невольно остановил на ней взгляд. Смугловатая, черноглазо-темноволосая и белозубая, с пышными формами и энергетической улыбкой, она казалась воплощением типичной итальянки. Для полноты ощущений не хватало только «Беллиссимо, синьоры!».

В зале кафе царили приятный полумрак и комфортная прохлада, звучала приглушенная музыка — нечто вроде итальянского фольклора. И само кафе было оформлено в стиле итальянской таверны — деревянные сту-

ля, клетчатые скатерти, развешанная по стенам кухонная посуда, камин и, конечно же, винные бочки у стойки бара. Десятка два столиков, почти половина из которых была занята. Случайные проезжие, водители-дальнобойщики, клиенты автосервиса — в основном мужчины. Клиентов обслуживали две официантки в одеждах, чем-то напоминающих костюмы итальянских горожанок эпохи Возрождения, но с укороченными подолами. Обе были заняты и появившихся в зале офицеров смогли сопроводить лишь утомленно-улыбчивыми глазами.

Но едва Андрей и его начальник заняли столик, откуда-то из-за барной стойки к ним вышла девушка — чуть ли не копия той женщины, которую Андрей видел за ресепшен. Омоложенная, улучшенная и более утонченная копия. Роскошные светло-каштановые волосы по плечи, большие и слегка раскосые глаза — черные, переливающиеся масляным цветом оливки. Смугловатая от природы и сдобренная солнечным загаром кожа, в меру крупные и правильные черты очень красивого лица. Фигура самая что ни на есть фигуристая — не широкие, но и не узкие плечи, выдающийся приподнято-упругий бюст, тонкая талия, широкие бедра при стройных и по-настоящему длинных ножках. Она была в короткой, до пупа, футболке, в тугих и низко спущенных на бедра джинсах — отчего взору открывался плоский и даже чуточку рельефный животик — кожа загорелая, но не утратившая от этого своей природной нежности. Андрею так вдруг захотелось провести ладонью по этой волнующей глади, что пришлось с силой сжать кулаки, дабы удержаться от спонтанного искушения.

— Здравствуйте!

Девушка одарила их яркой белозубой улыбкой, но Андрей не почувствовал в ней тепла. Казалось, она была вежлива с посетителями по принуждению. Смотрела на них, а думала о чем-то своем, о женском. Думала с гонором и чувством собственного достоинства.

На груди у нее красовался бейсик. «Римма. Старший официант». Теперь Андрей знал ее имя.

— Пожалуйста!

Она положила на стол две папки меню с винной картой и повернула в обратную сторону. Андрей мысленно одернул себя, когда понял, что его взгляд непотребно прилип к ее месту, которое обычно называется мягким, но не всегда бывает таковым. Попка у нее была выдающейся в буквальном смысле этого слова — выпирающая назад, но хорошо приподнятая вверх, наверняка плотная и упругая на ощупь. Хотел бы Андрей оказаться на месте того счастливчика, которому позволяет себя ощупывать это чудо...

— Смотри, глаза выскочат, — понимающе глянув на него, усмехнулся начальник.

— Да я уже и не смотрю, — пожал плечами Андрей.

— Но смотрел же. И как смотрел!.. Было бы странно, если бы не смотрел... Южная красотка.

— Да, но не с Кавказа.

— Не похоже, что с Кавказа, — соглашаясь, кивнул Георгий Савельевич. — Римма зовут. Вроде бы и славянское имя, а звучит как Римма из Рима... Может, из Италии выписали, а? В Италии все такие выдающиеся и грудастые. Кровь с молоком. Нет, кровь с молодым вином... Что-то и пива уже не хочется. Винца бы, итальянского... Что там у нас?

Каракулев открыл свою папку, Андрей свою. Типичная итальянская кухня — пицца, ризотто, карпаччо, лазанья, пасты, сыры. И, конечно же, вина — красные, белые, сладкие, игристые. Итальянские до двух тысяч рублей за бутылку, отечественные подешевле, но все равно дорого. Зато на пиво цена не кусалась, подмосковное можно было взять по тридцаточке за полулитровый бокал. И блюда не очень дорогие, если сравнивать с ценами в столичных заведениях такого же итальянского толка. Тарелку ризотто с креветками можно было

взять всего за семьдесят рублей, в то время как в Москве меньше чем за двести и не подходи. Та же примерно история и с мясной лазаньей. Пицца тоже сравнительно недорогая. Вопрос — какого качества? Нельзя же скроить из одной шкуры семь больших шапок, на чем-то придется экономить.

— Нет, вино мы пить не будем, — решил Георгий Савельевич. — Не для того заезжали. А пивка холоденького хлебнем... Не знаю, что ты будешь, а я пельменей себе возьму...

Пельмени здесь на итальянский лад назывались «пельменио», но суть от этого не менялась. И подавались они со сливочным маслом и сметаной — чисто на русский лад. Да и по цене очень даже доступно.

Андрей тоже решил было заказать себе пельменио, но с появлением красавицы-официантки все переиначил. Ему вдруг показалось, что с таким заказом она посмотрит на него как на недалекую деревенщину из русской глубинки. Тогда уж точно ему не завладеть ее вниманием. Чтобы соответствовать, он заказал себе оссобуко по-милански с ризотто. Но Римма отнеслась к этому так же безразлично, как и к пельменям, заказ на которые сделал Каракулев. И дешевое пиво не вызвало у нее никаких антипатий. Казалось, ей было все равно, что заказывали клиенты. И они сами по себе совсем ее не интересовали.

— И что ты там себе такое заказал? — насмешливо спросил Каракулев, когда она ушла.

— Оссобуко. Особенное буко...

— Ага, что-то особенное. А она никак не ведется, да?

— А как она должна? Глазками играть?.. С какой стати?

— Да, контингент здесь такой, что волю своим эмоциям лучше не давать, — с натяжкой согласился начальник.

Как и Андрей, он понимал, что никто из них двоих не произвел на Римму ни малейшего впечатления.

Оссобуко с ризотто представляло собой тушеное мясо на полой кости с рисом оригинального приготовления. Андрею очень понравилось. И пельмени, по словам начальника, превзошли ожидания. Оказывается, в этом кафе приятными были не только цены, но и качество.

— Я, наверное, теперь сюда обедать приезжать буду, — сказал Андрей.

— Не обольщайся, — усмехнулся начальник. — Кафе недавно открылось, поэтому и цены пока не кусаются... Да и не цены тебя завлекают, да?.. Жениться тебе пора, парень. Двадцать девять лет как-никак. Скоро тридцать...

— Я подумаю.

С женитьбой ему не везло. Одна любимая девушка ушла от него к местному богатею, другая вышла замуж за московского миллионера. После них были другие девушки, но ни одну из них он близко к себе не подпускал — боялся обжечься в очередной раз. А Римму он бы подпустил к себе не задумываясь. Но, судя по всему, она сама не хотела подходить к нему — ни в прямом, ни в переносном смысле. За расчетом к их столику подошла обычная официантка. Красавица-южанка так и не появилась.

Андрей был за рулем, поэтому он выпил всего одну кружку пива. Пока добрался до дома, легкие пары алкоголя полностью развеялись на ветру. Но желание познакомиться с официанткой Риммой не утихло, напротив, вспыхнувшая страсть еще больше разгорелась. И его неудержимо потянуло обратно в кафе-мотель «Беллиссимо», хотя он и понимал, что это не самое умное решение с его стороны. Дома он переоделся в штатское, взял

все деньги, что у него были, и на машине отправился на перекресток с Московским шоссе.

В модном джинсовом костюме зашел в кафе, занял свободный столик и замер в ожидании. Он очень хотел, чтобы к нему подошла Римма. Но ее нигде не было. Появилась просто миловидная девушка с дежурной улыбкой на губах. Судя по бейсику на груди, ее звали Вероника.

— А где Римма? — через силу спросил он.

Он не был стеснительным парнем, умел заводить знакомства с девушками. Но сейчас он чувствовал себя довольно скованно. И находишься сейчас возле его столика Римма, он бы, пожалуй, не смог заговорить с ней.

— Римма сейчас дома, но скоро будет, — с подозрительным интересом посмотрела на него девушка.

— А она что, где-то рядом живет?

Второй вопрос остался без ответа.

— Заказывать что будете? — спросила Вероника.

Она не хотела говорить о Римме, да и времени у нее на это не было. Судя по большому количеству посетителей, заведение пользовалось спросом, и девушки-официантки здесь были нарасхват — исключительно по прямому должностному назначению.

Андрей заказал пиццу «Сицилиана» и кружку пива. И когда Вероника ушла, осмотрелся в поисках Риммы. Ее нигде не было, зато из-за высокой барной стойки сычом на него смотрел какой-то парень с ежиком светлых волос и с широким, по-славянски скуластым лицом. Бармен с полотенцем на плече стоял рядом, а этот, хоть и мешал ему работать, чувствовал себя за стойкой вполне комфортно, как будто находился здесь на правах хозяина. Андрей упер в него встречный взгляд, и этого хватило, чтобы парень отвел от него глаза, а затем и вовсе скрылся в дверях за стойкой бара.

Андрею не очень нравилось, что начальник поддразнивал его из-за Риммы. Но сейчас он жалел о том,

что его нет рядом. Пусть подначивает, лишь бы разговор шел о ней. Он бы и сам рассказал, как нравится ему эта необычная девушка.

Но говорить о Римме и вообще было не с кем, и сама она не спешила появляться. Андрей съел одну пиццу под пиво, вторую под бокал вина, а ее все не было.

За окнами уже давно сгустилась мгла, а народ все прибывал. Одни уходили, другие приходили, поэтому битком зал не наполнялся, но в какой-то момент в нем не осталось ни одного свободного столика, Андрей же продолжал занимать свой. И тогда к нему подошел тот самый скуластый парень из-за барной стойки. Симпатичное, в общем-то, и располагающее к общению лицо резко контрастировало с его жестким и в какой-то степени злым взглядом. Нескладное, но на первый взгляд мощное телосложение, коротковатые для его роста, но сильные руки с длинными корявыми пальцами. Он без приглашения отодвинул свободный стул от столика, сел на него, широко раскинув ноги. И нагло спросил:

— Долго еще сидеть будешь?

— А вы, извините, кто такой? — безмятежно ответил Андрей.

Он знал себе цену и ничуть не роптал перед этим типом.

— А если я за главного здесь?

— А если я из газеты?

— И что? — ничуть не смутился парень.

— А то, что написать могу, как в этом кафе посетителей жалуют. Совсем не жалуют, напишу.

— Не напишешь, — не соглашаясь, покачал тот головой. — Ты не журналист, ты военный.

— С чего ты взял?

— А вечером тебя видел, ты в форме был.

— Я тебя не видел, а ты меня видел.

— Тебе не обязательно меня видеть. А я все вижу.

И все замечаю. Как ты на Римму смотрел, видел...

— Как?

— Нельзя на нее так смотреть, как ты смотришь, — угрожающе насупилась парень. — Не для таких, как ты, она...

— А для каких?

Андрей понял, что этот здоровяк не уступит ему Римму — во всяком случае, без боя. Или он сам влюблен в нее, или ему просто нужен повод, чтобы выместить на ком-то свою природную злобу.

— Не для тебя, короче... Римму ждешь? Не будет ее сегодня. Ехал бы ты отсюда подобру-поздорову.

— Это угроза? — мрачно глянул на него Андрей.

— Может быть. Но я тебя предупредил.

— Римма — красивая девушка, и на нее многие засматриваются. И ты всех так предупреждаешь?

— А всех. И не только предупреждаю... Не нравится мне, когда к ней всякие лезут...

— Станный ты какой-то, — криво усмехнулся Андрей.

Но парень не отозвался. Как будто уже и забыв о нем, поднялся с места и направился к своей стойке.

Часы показывали без четверти одиннадцать, когда Андрей собрался уходить. Людей к этому времени было немного, официантки уже не сбивались с ног, и та же Вероника, если ее хорошо попросить, могла бы объяснить ему, куда подевалась Римма, которую он понапрасну ждал. Но Андрей не стал ни у кого ничего спрашивать, молча вышел из кафе, сел в машину и уехал — с твердым намерением вернуться сюда в самое ближайшее время.

ГЛАВА 2

Арестантский люд шел в тюрьму этап за этапом. То ли в гражданском обществе прорвало какую-то заслонку, отчего преступления следовали одно за другим, то

ли милиция вдруг, оправившись от сезона отпусков, на порядок повысила показатель раскрываемости, а может, и то и другое. Так или иначе, следственный изолятор переполнился настолько, что в самую пору было запускать судебный конвейер, чтобы отпускать под залог или подписку людей, взятых под стражу за незначительные преступления. Но суд работал в прежнем консервативно-замедленном режиме, а прокуратура и милиция, казалось, нарочно увеличивали поголовье арестантов, как будто хотели доказать этим высокую эффективность своей работы.

Впрочем, Станислав Казимиров и не мог рассчитывать на снисхождение нигде — ни в милиции, ни в прокуратуре, ни в суде. Он был арестован за убийство своей жены. Его машину остановил экипаж патрульно-постовой службы, когда он вывозил труп к реке, чтобы там от него избавиться. Отнекиваться от убийства было бесполезно, да он и не стал этого делать. Сам чистосердечно во всем признался, еще когда находился в изоляторе временного содержания. Там же было предъявлено обвинение, оттуда его и доставили в тюрьму, о которой он думал без панического страха, но с внутренним содроганием...

В детстве Стас Казимиров любил играть в войну, но почему-то в отличие от других своих сверстников ему нравилось быть на стороне фашистов. Может быть, виной тому были его далекие немецкие корни. То ли прадедушка, то ли более дальний предок по линии отца был выходцем из Германии. От его имени, говорят, и пошла фамилия, которую Станислав носил с гордостью. С такой же гордостью, какую в свое время испытывал его дед, участник войны, получая орден Славы за взятие Берлина.

В армии он всерьез искал в своем обличье признаки, указывающие на его немецкое происхождение. А чуть позже, уже будучи студентом, даже пытался разглядеть

в себе истинного арийца. В какой-то антифашистской книге разыскал признаки человека «высшей расы». «Высокий и стройный» — это ему подходило, но с некоторым ограничением. От природы и от усиленных занятий греко-римской борьбой к двадцати годам он приобрел мощную шею, сильные и пугающе покатые плечи, и к этому в довесок — некоторую сутулость. «Длинный череп и узкое лицо» — под этот признак он явно не подходил. Череп у него был самым обычным, а лицо, как назло, широким. Еще у него должны были быть «узкий лоб, слабо изогнутые брови, узкая спинка носа, узкий угловатый подбородок». В этой части у него все было с точностью до наоборот. Широкий «римский» нос, резко загнутая к носу форма бровей, подбородок настолько мощный, что иногда казалось, будто он врос в шею. Кожа лица должна была быть «розовато-белой», но Станислав обладал природной смуглостью. Зато волосы на голове у него росли хорошо и густо — в точности как предписывалось. И цвет их соответствовал арийским признакам — «светлый, с вариациями от белобрысых до золотистых, иногда с красноватым оттенком». Никакой красноты в его волосах никогда не наблюдались, они были светло-русыми, а иногда выгорали за лето до белизны. Но это было немного из того, что совпадало с требованиями нацистских идеологов и чаяниями самого Станислава.

В восемьдесят третьем году он женился на беременной от него однокурснице, в конце того же года родился сын. В восемьдесят четвертом он окончил институт, в том же году, опять же в конце, жена принесла второго сына. Работа, семья, заботы о житье-бытье... В этом водовороте проблем утонул его интерес к своей внешности, вернее, к национальной ее составляющей. А в восемьдесят пятом году женился его старший брат Ростислав. И на ком женился... До армии он окончил техникум автомобильного транспорта, затем два года отслужил в

автобате, после чего отправился в Тольятти, где устроился работать на знаменитом заводе. И откуда однажды приехал в отпуск на собственной «Ладе» и с красавицей женой. Его избранницу звали Виттория, и была она дочерью итальянского рабочего, в свое время приехавшего строить «АвтоВАЗ». Виттория не знала своего отца, он исчез еще до ее рождения. Зато мать дала ей итальянское имя, но оставила свою русскую фамилию. Но как бы то ни было, в наследство от отца ей достались типичные для его нации черты лица и характера. Славянская кровь матери также давала о себе знать. Одним словом, к семнадцати годам девушка расцвела и стала настоящей черноокой красавицей с южным темпераментом и русской широтой души.

Станислав позавидовал брату. И даже пытался приставать к его жене. Виттория сгоряча отхлестала его по щекам, когда он однажды зажал ее в темном углу родительского дома, но великодушно промолчала — ничего не сказала мужу, хотя и могла. У брата закончился отпуск, и он вместе с женой отправился обратно в Тольятти. А у Станислава появился новый пунктик. Он вдруг принялся искать в себе признаки итальянца. Вскоре после этого советское телевидение показало сериал «Спрут» о мафиозных кланах в Палермо. И он с тихим восторгом обнаружил, что как две капли похож на мафиози Тано Каридди в исполнении итальянского актера Ремо Джирони.

Первое время он мнил себя сицилийским мафиози и в начале бурных девяностых даже попробовал организовать свой клан и заняться рэкетом. С друзьями обложил данью коммерсантов-ларечников, но подъехавшие вслед за этим крепкие парни в кожаных куртках отбили охоту вместе с почками и тем, на чем они замыкались. Надо сказать, что сам он держался молодцом, даже смог хорошенько врезать двоим, но друзья струхнули, разбежались, и некому было поддержать его, когда он остал-

ся один против дюжины озверевших бандитов. Месяц он пролежал в больнице, после этого еще два года работал на аптеку. Желание создать свой мафиозный клан поутихло, чтобы со временем разгореться вновь...

— Стоять, лицом к стене!

Пожилой конвоир, худой как скелет и с желтушным лицом, озлобленно толкнул Станислава в спину — как будто этим пытался выместить обиду за свою бестолково и неудачно прожитую жизнь.

Его спутника, тощего и чахлого парнишку, конвоир не тронул. Может, потому что видел в нем себя в молодости — такого же хлипкого и трусливого неудачника. А паренька пугало в тюрьме все, даже скрежет открываемых решеток. Всякий раз, когда в замочную скважину со стуком входил ключ, он вжимал голову в плечи. Единственно, чего он не боялся, — это выказывать свой страх. Его и сейчас трясло, как в лихорадке, губы белые как мел, на лбу холодная испарина, даже очки запотели. Глаза у него, как у зайца, убегающего от волка. Еще уши осталось поджаты и хвост. Станислав с неприязнью глянул на него. Сам он тоже никогда прежде не был в тюрьме и мало что знал о здешних порядках. И ему страшно, но он хотя бы виду не подает.

Коридорный надзиратель с диатезным румянцем на пышных щеках открыл дверь в камеру, откуда пахнуло вонью и гнилью.

— Добро пожаловать в ад! — злорадно усмехнулся он.

Фраза избитая и затертая до тошноты банальности, но сейчас она как нельзя лучше соответствовала той действительности, в которую Станиславу предстояло окунуться.

— Пошел!

И надзиратель толкнул его в спину. Он ждал этого, вовремя напрягся и подался назад, поэтому коридорный уперся в него, как в скальную глыбу, и даже отбил руку. Зато он с лихвой отыгрался на чахлом пареньке, с

такой силой втолкнул его в камеру, что Станислав едва удержался на ногах, когда тот врезался в него.

Он был на взводе, но старался казаться невозмутимо спокойным. Поэтому оттолкнул паренька небрежным движением плеча, стараясь не давать волю своему раздражению.

— Извините... — пискнул тот, в ужасе озираясь по сторонам.

Обстановка, в которой он оказался, ужасала не только его. Как ни готовил себя Станислав к тюремным кошмарам, его чуть не стошнило, когда он понял, в какой клоаке ему придется существовать в ожидании суда. Сравнительно небольшая по своим размерам камера была забита до отказа. Железные шконки в три яруса, застеленные темным от грязи бельем, люди, гроздьями свисающие с них. Режущая вонь от параша вперемешку с запахом горелой ваты. Табачный дым до потолка, но на фоне других гораздо более жутких запахов он почти не осязался. Духота и влажность несусветные — люди раздеты до трусов. Кто-то лежит, кто-то сидит, кто-то стоит в проходе между шконками вплоть до самой двери. Станислав еще не успел зайти, а уже оказался в гуще потных и смрадных тел. Мокрое белье на веревках над головой, вода капает на лысину — ощущение такое, будто кровь по ней размазывается.

Однажды, еще в годы армейской молодости, Казимира угораздило оказаться на гауптвахте. Небольшая камера три на четыре, жара, пять штрафников вместе с ним, сидеть приходилось на железных столбиках, на которые перед отбоем укладывались дощатые лежаки, чтобы спать. Он исчесался тогда весь, чуть до экземы дело не дошло. Но то были цветочки. За дерзкое слово, сказанное начкару, его поместили в карцер, в крохотную душегубку без окон и дверей. Тогда он думал, что это и есть филиал ада на земле. Но этот карцер сейчас казался раем по сравнению с тем ужасом, в котором он

оказался сейчас. Чтобы пройти камеру от двери до окна, нужно было сделать всего-то шесть, максимум семь шагов, но это казалось невозможным. В узком пространстве, отделяющем его от стола, как минимум полдюжина измочаленных тел. Люди ни о чем не говорят меж собой, просто стоят. Глаза пустые, как у зомби. До новичков им нет никакого дела.

За столом в основном проходе также сидят люди, плотной и липкой массой, в какой-то момент у Станислава возникло такое ощущение, будто на все головы приходится одно-единственное тело. На столе продукты на газетах, нарды, шахматы, книги — все вперемежку, полный хаос. Люди говорят негромко, но звуки накладываются друг на друга и на выходе — густой, оглушающий и оттого нервирующий гул, да иначе и быть не могло: камера напоминала улей, где роились пчелы, только здесь производился не пахучий мед, а вонючее дерьмо.

От одной только мысли, что ему придется существовать в этой клоаке, Станиславу стало тошно.

Он слышал, что новичкам в камере следует поздороваться со всеми ее обитателями, но прежде всего с блатной частью арестантского населения. Но здороваться, казалось, было не с кем. На новичков почти не обращали внимания. Не до них. Люди мариновались здесь, как огурцы в кадке, все мысли о том, как дожить до суда или хотя бы до прогулки, когда можно будет хоть чуток глотнуть свежего воздуха. И обращаться к ним было все равно что разговаривать с холодной космической пустотой. А блатной люд был далеко, аж в пяти-шести шагах, на двухъярусных нарах под наглухо за решеченным окном. Там наблюдались хоть какие-то признаки цивилизации. Телевизор под потолком, холодильник в углу, вентилятор, который, казалось, гонял по камере не воздух, а вакуум. На нижней койке, чуть

ли не вплитык друг к другу, в неподвижных позах сидели трое, голые по пояс, в чернильных росписях.

Один — с крупным телом, но маленькой и словно приплюснутой с боков головой. Узкий лоб, бесцветные глазки — один выше другого, нос знаком вопроса, губы такие тонкие и так плотно сжаты, что казалось, это всего лишь прорезь для рта. На плечах и груди какие-то волки, орлы, коты. В центре находился мужчина лет сорока. Блестящая лысина, морщинистый лоб, глаза — два теплящихся фитилька в одной лампе, колесико от которой находилось где-то в голове. Подкрути это колесико, и вспыхнут глаза резким ультрафиолетовым светом. У этого на груди выколот собор о трех куполах — все три с крестами, но два зачем-то затемнены. Еще полуголая женщина с факелом на фоне тюремной стены и зарешеченного окна, со змеем и черепом в ногах. Рядом с ним — человек помоложе и покрепче. Парень лет двадцати пяти, славянской внешности, мощный, крепко накачанный, и у этого на плечах наколки, но из тех, что делают в профессиональных тату-салонах — какая-то абракадабра в китайском орнаменте. На тугих и хорошо выпирающих грудных мышцах два более свежих рисунка, плохого качества, но хорошо выражающих скрытую внутри него агрессию — две тигриные головы, обращенные друг к другу. В отличие от их обладателя глаза у хищников горят хоть и злобным, но живым огнем.

Все трое, казалось, пребывают в соматическом транссе, как будто какой-то гипнотизер погрузил их в это состояние. А может, обкурились или даже обкололись... Станислав никогда не употреблял наркотики и даже выпивал редко. Но сейчас ему вдруг захотелось принять в кровь что-нибудь этакое, отчего жуть окружающей его реальности трансформировалась бы в розовую муть галлюциногенного блаженства...

У Станислава не было никакого желания говорить и тем более отчитываться перед блатной, а оттого элит-

ной частью камерного сообщества. Но при этом он понимал, что без их участия он не сможет получить законное право хотя бы на часть какого-нибудь койко-места. Без «высочайшего» одобрения ему даже не позволят присесть на краешек нар и за стол не пустят. Знающие люди в КПЗ просветили на этот счет. Поэтому он терпеливо ждал, когда на него обратят внимание.

Ждать пришлось недолго. Какой-то паренек, словно обезьяна с лианы, откуда-то с третьего яруса спустился к блатному амбалу, что-то шепнул ему на ухо. Тот очнулся, взгляд его прояснился, как лесная поляна на утреннем солнце, но предрассветный туман в глазах так и остался. Похоже, он плохо соображал, что происходит. Вслед за ним пришли в чувство и остальные тюремные «короли».

— Кто там к нам заехал? — без надрыва, но громовым голосом спросил амбал.

И камера мгновенно пришла в движение. Арестанты разошлись по своим местам, освободив пространство до самого угла, где находились блатные. Но не все уместились на шконки, человек десять, в основном молодежь, плотной живой окантовкой встали по обе стороны от койки, на которой восседала блатная троица. Уголовные рожи, наглые ухмылки, угрожающий блеск в глазах. Как выяснилось чуть позже, мужчина с лысиной и морщинистым лбом был смотрящим, амбал — его силовой поддержкой, но и помимо него было кому взять в оборот любого, кто посмел бы пойти против воровской воли. Скажи смотрящий только слово, и молодняк без раздумий набросился бы на новичков и в два счета разделал бы под орех. Станиславу стало не по себе, но все же он сумел сохранить выражение уверенности в себе, когда подошел к блатным. Зато у его спутника зуб на зуб не попадал от страха. Разумеется, смотрящий заметил, что его трясет, как в лихорадке. К нему первому и обратился:

— Первоход?

Он картавил, и его «р» звучало как украинское «гэ». Но никто и не думал смеяться над этим дефектом.

— То есть? — дрожащим голосом спросил паренек и лихорадочно поправил сползшие на кончик носа очки.

— Первый раз к нам заехал? — глумливо усмехнулся амбал.

— Заехал?! Я не заехал, я зашел...

Хохот, улюлюканье — так уголовный молодняк отреагировал на дремучесть новичка. Даже Станислав презрительно усмехнулся. Он-то уже знал, что в камеру не заходят, а заезжают, и сидят здесь «пассажиры». Но в принципе он еще очень мало знал, поэтому не стоило расслабляться.

— А зачем зашел? Кто тебя звал? — спросил разве-селившийся амбал. — Не видишь, тесно у нас... Иди постучись в дверь, скажи вертуху, что мест свободных больше нет, пусть обратно домой отправляет...

— Он непустит. — Очкарик улыбнулся робко и жалко, но в голосе звучала уверенность.

— Непустит, — подтвердил амбал. — Правильно говоришь. Зовут тебя как?

— Вячеслав Семенович... Э-э, можно просто Славик...

Приблатненная молодежь снова схватилась за животы. Посмеялись и блатные.

— А кем ты на воле был, Вячеслав Семенович? — сквозь смех спросил смотрящий.

— Музыкант я, на аккордеоне играл.

— А на флейте сможешь? — спросил лопухий паренек с хитрыми и подлыми глазками.

— Нет, я на духовых не играю, — не уловив подвоха, лихорадочно мотнул головой Славик. — У меня грудь слабая...

Станислав заметил, как с плеча высокого и худого паренька с раскосыми, как у татарина, глазами вроде

само по себе соскользнуло полотенце и упало под ноги очкарику. И тот его заметил. Сейчас он возьмет его в руки, чтобы вернуть владельцу. Станислав понял, что именно для этого татарчонок его и уронил. Но Славик не стал поднимать с пола свой приговор. Его затрясло еще больше, дробный стук зубов усилился, но он сделал то, что и должен был сделать. Наступил на полотенце и потоптал его своими негнушимися от страха ногами — сделал вид, что вытер их. И даже поблагодарил татарина.

— Спасибо!

— Ну ты в натуре! — раздосадованно сморщился он и пнул полотенце ногой. — Сейчас на грелке играть будешь! — пригрозил он и показал на ржавую чугунную батарею парового отопления под самым окном.

— Вместо гармошки! — пояснил он.

— Сыграю, — кивнул Славик.

И снова проявил характер. Не побоялся выдвинуть условие:

— Если ты ее настроишь, я сыграю...

Снова смех, но на этот раз он был обращен к татарину. На Славика же смотрели как на клоуна, своими ужимками снискавшего не славу, но отпущение грехов.

— Правильно Вячеслав Семенович говорит, пусть Равшан настроит грелку, а он сыграет... — смахнув с глаз смешливую слезу, сказал смотрящий.

И его слово оказалось решающим. Славика показали на шконку, которую он должен был делить с двумя такими же доходягами-бедолагами, как и он сам. Но назвали его при этом Вячеславом Семеновичем, и это значило, так обязаны называть его все обитатели камеры. Путь в его имя-отчество вкладывался уменьшительно-насмешливый смысл, но факт оставался фактом — трусливый и чахлый Славик сумел завоевать хоть какое-то, но признание со стороны тюремного сообщества. Станислав был уверен, что его примут не хуже. Не са-

мые злые волки правят здесь бал, а значит, с ними можно договариваться.

— Ты кто такой? — в упор глядя на него, спросил смотрящий.

«Началось».

Станислав ответил не сразу. Для начала с важным видом и чувством собственного достоинства обдумал вопрос.

— Станислав я. Фамилия Казимиров.

Он сказал это таким тоном, как будто ждал, что вся камера вздрогнет от его имени. Но ничего не произошло. Никто даже ухом не повел.

— Лет сколько? — внимательно всматриваясь в него, спросил амбал.

— Много.

— А конкретно?

— Сорок шесть.

— И что?

— Ничего, — немного смутился Станислав. — Сам же спросил...

— А ты что, думаешь, если сорок шесть, значит, самый крутой? — прибавил пару амбал.

Взгляд его принял угрожающий окрас. И тигры на его груди, казалось, вздыбились.

— Я не крутой, — стараясь сохранять самообладание, пожал плечами Казимиров.

— Совсем не крутой? Совсем всмятку?

— Нет, не всмятку... — еще больше смутился он.

— А чего тогда понты колотишь?

— Какие понты?

— Да такие... Воротила! — крикнул амбал.

— Что? — донеслось откуда с третьего яруса.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Видал? — обращаясь к Станиславу, жестко усмехнулся блатной здоровяк. — Ему двадцать три, а мы

его полудурком здесь зовем. А двадцать три на два умножить, сколько будет, а?

Он ответил. Но мысленно. Самому себе. Двадцать три, помноженное на два, равно сорока шести — то есть его возраст. И если какой-то там Воротила полудурок, значит, Станислав — полный придурок. Иначе как оскорблением этот скрытый вывод не назовешь. Но что делать? Станислав остро осознавал свою беспомощность. С амбалом он еще может сладить — в молодости мастером спорта по борьбе был, сейчас усиленно штангой занимается, чтобы в форме себя держать. Но спина-то у него не бронированная, а сзади во время атаки его запросто могут пырнуть ножом. Тот же прибалтанный Равшан это сделает, чтобы отыграться за досадный промах со Славиком.

— Так кто ты после этого? — спросил амбал.

Станислав понял, что ничего не сможет с ним поделаться. Но все же ярость пересилила страх, и он угрожающе дернулся в его сторону. И так это у него эффектно вышло, что амбал невольно вздрогнул. Оттого еще больше разозлился.

— Можешь не отвечать, если не хочешь, — настороженно и с вопросом глянув на Станислава, сказал смотрящий. — Твое право... А нервничать не надо. Нервы беречь надо. Здесь не санаторий, нервы не подлечишь... Ты нам скажи, мужик, как ты к братве относишься?

Уже одно то, что Станислава обезличенно называли мужиком, определяло его статус. Не быть ему блатным, не примет его братва в свой круг. И если он может к ней относиться, то лишь материально — дать денег на общак камеры, о существовании которого узнал еще на «сборке», где провел целые сутки.

— Я не жлоб, и если надо...

Немного поколебавшись, Станислав вытащил из тайника в джинсах свернутую в трубочку тысячерубле-

вую купюру. Протянул ее смотрящему, но тот почему-то не спешил ее брать.

— Гляди-ка, а ты мастак! Пронес лавэ! — зато похвалил, но непонятно как — то ли всерьез, то ли с подвохом.

— Да умные люди подсказали, как сделать, — стараясь не размазать по лицу оставшийся на нем налет уверенности в себе, сказал Станислав.

— Хорошо, деньги нам нужны, — вроде бы с благодушным видом кивнул смотрящий, но протянутая ему купюра так и осталась висеть в воздухе.

— Так возьми!

— Да ты не торопись, это мы всегда успеем. Ты мне скажи, мужик, лекарства у тебя есть?

— Были, — кивнул Станислав. — На таможене все отобрали.

Перед тем как отправить его этапом в следственный изолятор, следователь разрешил ему свидание с родными. Сыновья были, Витта, два ее сына и дочка, принесли ему сумку, битком набитую продуктами и нужными в тюрьме вещами. Но при обыске в изоляторе почти все забрали. Батон колбасы и брусок сала покровсали тесаком, из хлеба и пирожков сделали крошево, сигареты поломали... Лекарства отобрали целиком.

— А что за лекарства у тебя были? — нехорошо сощурился смотрящий. — Ты что, больной?

— Нет, нормально все со здоровьем, — забеспокоился Станислав. — И лекарства обычные, так от простуды, ну, на всякий случай...

— От простуды?! От простуды — хорошо... Эфедрин от простуды хорошо помогает.

— Не знаю...

Зато он хорошо знал, что эфедрин — наркотик, и наконец-то понял, зачем смотрящий интересуется лекарствами. Наверняка подзарядиться хочет.

— Зато я знаю. Про «Колдрекс» от простуды слышал?